

Москва, Красная площадь, Спасская башня Кремля и Мавзолей В.И.Ленина.
Авазов Марат. Начало лета 1967 года.
Стал штатным журналистом через 20 лет, когда Перестройка М.С. Горбачёва позволила того.
Спустя ещё 15 лет автором его произведений стал Марат Аваз-Нурзеф.
В этом обозначении три имени – собственное и родителей.

Содержание

Стр.

Психотронный диалог (вместо предисловия) ……..…..3
Пролог ……..5
Часть 1 ……...6
Часть 2 ……16
Часть 3 ……27
Часть 4 ……40
Часть 5 ……55
Часть 6 ……67
Часть 7 ……79

Иллюстрации …… 1, 2, 4, 5, 14, 15, 26, 39, 54, 66, 78, 86

Психотронный диалог (вместо предисловия)

– Ознакомьтесь с азами теории.

– *Ознакомился.*

– Почитайте сочинителей, к которым лежит душа.

– *Почитал.*

– И к кому она лежит?

– *Больше всего к Вам.*

– Тогда прошу ко мне всерьез...

– *И надолго. Совершенно Ваш.*

– Следует проникнуться конструкцией строфы, которую называют онегинской.

– *Уже! Проникнулся!*

– Хороша, не правда ли?

– *Великолепна!*

– А Вам подходит?

– *Нет.*

– Не хотите, чтобы и встречный, и поперечный тыкал в Вас пальцем: «Эпигон!»?

– *Да. Но не только. И объективно: великовата она, Ваша, онегинская.*

– Придумайте свою – покороче и другого строения.

– *Придумал.*

– Ну что ж... Осталось всего-то ничего: написать!

– *Да уж...*

– Роман в стихах!

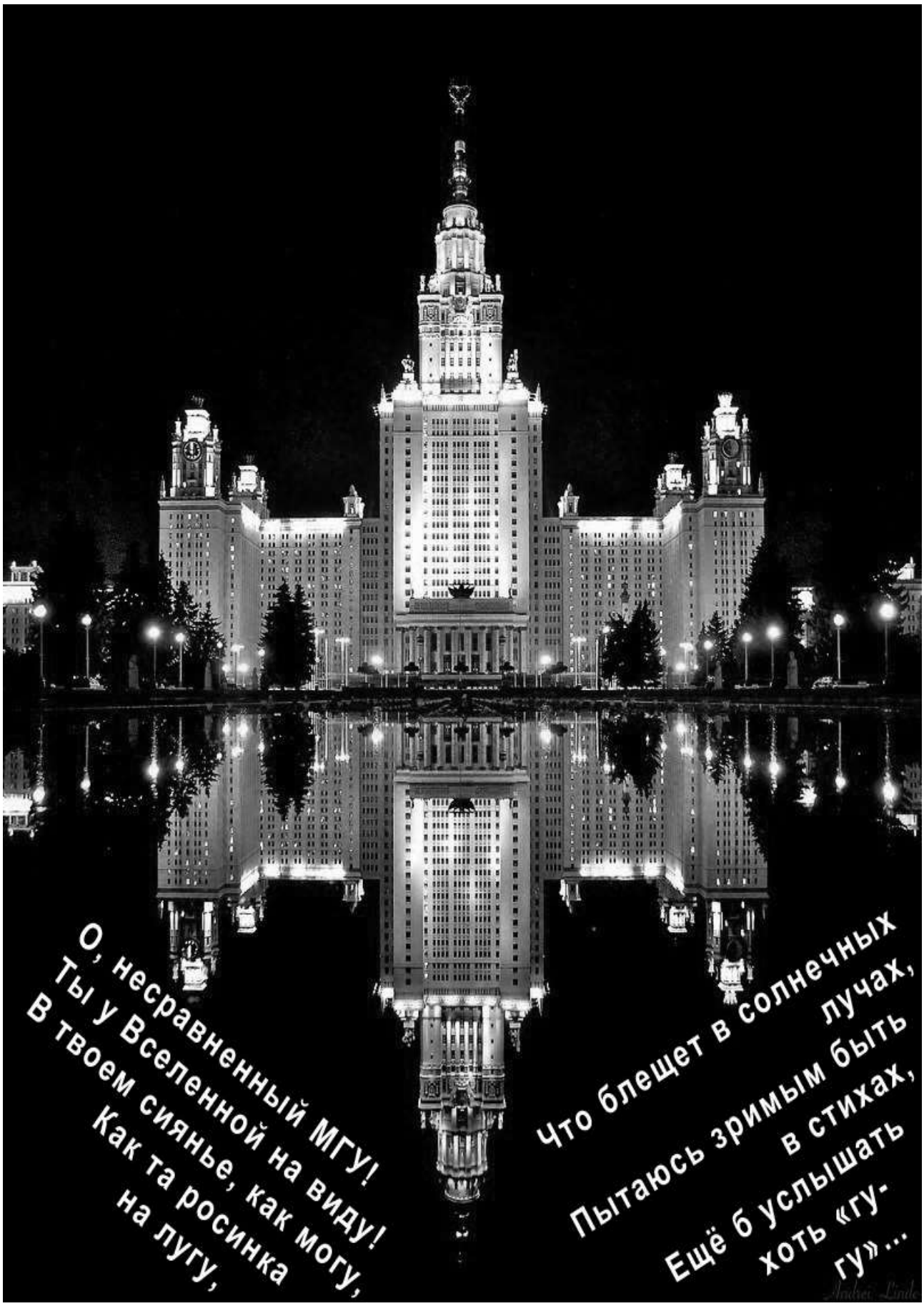
– *Считать извольте львиным вашим рыком, что собеседник Ваш то ж шит не лыком. Но нынче знатоки с улыбкою твердят: «В стихах романов давненько не творят».*

– К чему тогда ведете разговор? И не тщета ль задуманный сыр-бор?

– *Быть может, повесть в рифмах. Иль рассказ. Или иной, но стихотворный сказ...*

– Ни пуха ни пера!

– *К черту!*

О, несравненный МГУ!
Ты у Вселенной на виду!
В твоем сиянье, как могу,
Как та росинка
на лугу,
Что блещет в солнечных
лучах,
Пытаюсь зримым быть
в стихах,
Ещё б услышать
хоть «гу-
гу»...

Пролог

Для вас, читатель, труд мой скромный.
Скажу вам сразу: слог мой прост.
И в том залог надежный дружбы
меж нами: стих мой незаёмный
вихлять не будет вкривь и вкось, –
не мыслю в *кренделях* я нужды.
А под *укроп*: «Национальность
героя вашего, дружок?», –
такой в зажарке *артишок*:
«Я не ломлюсь в оригинальность...
Что русский, иудей, татарин...
Не всё ль равно? – Адам! Каштарин...»

Адам Каштарин – мой приятель.
Я холост, он давно женат,
хоть и моложе на два года.
Мне двадцать пять, я строф ваятель –
тем занят в основном мой *штат*.
А он – искал на бабе брода.
Нашел ли? – то в деталях ниже.
Но в общем виде можно здесь:
в исканьях тех, знать, что-то есть,
коль на Чукотке и в Париже,
Москве, Нью-Йорке, Праге, Лиме
наш брат живет и дышит ими...

Апрель 1974 г.

Да что Париж! – Француз, вестимо,
в том деле издавна мастак:
он даже бреется не утром,
а в ночь, что, значит, для любимой.
И *постсовок* – тож не простак,
тем паче в паре с Голливудом.
Да и *туземный* телевижен
в борьбе за половой прогресс
(салют, раскрепощенный секс!)
столь разухабисто подвижен,
что тайн ни-ни и в глухомани,
ну, даже для малютки Мани...

Часть 1

1

Ребенок каждый уникален,
достоин ласки, добрых слов
(хотя б за ангелов в глазёнках),
быть может, даже гениален,
пока младенческий покров
не сменится вульгарной пленкой.
Но знает Клио то явленье:
в простой что ни на есть семье
растет дитя – не буриме,
а нормам заданным в гоненье.
От мира и себя в секрете
такие не взрослеют дети.

2

Адам – я истинно вещаю, –
и есть феномен сей точь-в-точь.
То ведомо лишь мне – и только...
Ни сном ни духом – жаль! – не знаю,
дана ль Адаму воля смочь
раскрыть свой гений с чувством, толком...
Иль мерзкая рутина быта
небес поглотит все дары...
И будет коротать он дни
в тени разбитого корыта...
А данная ему роль свыше
найдет приют под хваткой *крышей*...

3

Ярлык *безоблачная младость*
фальшив, надуман и смешон.
Адаму годиков в четыре
сны нагоняли страх и тягость:
опасность, темень, волки, – он
был жертвою в том жутком мире.
Сон оборваться мог внезапно,
а явь была того страшней:
«Ой, к маме, к мамочке, скорей!» –
и он просился к ней невнятно.
Не нужно здесь речей потока,
мать и без слов поймет ребенка.

4

В лет пять он папу про охоту
рассказы повторять просил.
И всякий раз внимал в восторге:
как ждал родитель антилопу,
как месяц из-за туч брезжил,
как царь-олень ветвисторогий
шел осторожно к водопою,
как в ожиданье не заснуть,
как *дичь* до залпа не вспугнуть
и как в степи шакалы воют...
Малец в любви к отцу купался,
тот чуял, нет ли, – улыбался...

5

Был брак родителей неравный –
межа змеит в менталитет:
жена – дитя берез и сосен,
намного младше (факт банальный),
пенаты мужа – знойна степь, –
в одном дому весна и осень,
да в графах *нац* – такая ж разность.
Ну, словом, чашенька полна.
Спасибо, вера хоть одна.
Не то б лишь развестись осталось...
Нет, не для деток соль сей речи...
Им разве до противоречий!..

6

Беременность, на сносях, роды:
всего раз семь – и только дочь,
вдруг обрывался век которой,
пройдя не больше полугода.
Не диво: женщине невмочь,
безмерна скорбь, бездонно горе...
Сполна хлебнула доли горькой,
к тому же нрав у ней крутой:
«По струночке, сын дорогой!» –
Шлепка, тычка, а то и порки...
Наш малышок уединялся,
себе в несчастьях изливался...

7

Мальчишкам старшим подражая,
он пробежался по трубе.
Два раза, в третий – оступился:
внизу хоть речка не большая,
но хватит утонуть вполне
тому, кто плавать не учился.
С трубою той же бедолага
обняться, падая, успел:
сам вряд ли б вылезти сумел,
да выручка – всегда во благо.
Не то бы не слагать мне песен,
не то бы был я безутешен...

8

Такой спустя три года случай
(и *мокрый* тож, скажу я вам):
стояла мельница под горкой,
по желобам, стремглав, по круче,
неслась водица к жерновам.
Адам уж плавал... Много ль толка?! –
Средь лопастей то – не подмога!..
Канав и промежутков – шесть...
Себя над ними лихо несть...
Разбег, прыжок, полет – и снова...
Двуногого экстрима жажда...
Известно: быть концу однажды...

9

Однако, обошлось всё, к счастью:
Адам вцепиться в кол успел,
себя из водной выдрал ложи.
Одно лишь плохо: нет ненастья,
штаны промокшие пострел
на дождь никак свалить не может...
«Нельзя так ошибаться в риске,
чтоб не пропасть и чтоб быть пан», –
девятилетний клод-чак-чан[1]
внес пункт в своем уроков списке.
Всё в куче: умный, шаловливый,
проворный, смелый и... трусливый.

10

Добавим, так сказать, до кучи.
При доме, где Адам растет
надел земли с огромным садом.
Черешня, слива, тут пахучий,[2]
айва, гранат (*кровавый* сорт),
аллея с разным виноградом
и прочие дары, а также
люцерна, баклажан, томат...
Адам тут знает каждый ряд,
куст, древо и травинку даже.
И к ним привязан он на диво,
как леди – к подданным (Годива).[3]

---

[1] *клод-чак-чан:* Жан-Клод ван Дам, Чак Норис, Джекки Чан, – актеры голливудских боевиков.

[2] *тут* – тутовое дерево, тутовник.

[3] *Годива* – жена графа Леофрика, ради снижения им налогов с подданных проехала в седле по улицам города Ковентри обнаженной (XI век).

11

Черныш однажды потерялся
(один из милых двух козлят), –
и было необъятным горе.
Пропавший вскоре отыскался –
усердьем бойких пастушат, –
не то б Адам наплакал море...
Соседи, сверстники, прислуга,
бабуля, мамин брат родной, –
всех держит в сердце наш герой,
и в каждом видит только друга.
Привязчивость – талант особый...
Уж лучше б не было его бы...

12

Всё относительно, условно
в прекраснейшем из всех миров:
ум, честь, достоинство, отвага,
безвестность, слава, криво, ровно,
Уильям щедрый, скряга Пров,
убыток, прибыль, вред и благо...
Я выше обронил: *трусливый*...
И вправду, он боится мать...
Ведь *дважды два* в руках держать
бычка, что добрый, не брыкливый...
Отец! Впервые! «Эй!» – Рванулся!
В защиту! Мамы! Увернулся...

13

В дошкольном детском учрежденье
Адама девочка одна
средь прочих явно выделяла,
а он – к другой имел влеченье.
Вопят склеротик и ханжа:
«Враньё!» – до них мне дела мало.
От Сатаны или от Бога
(иль в этом деле паритет?),
Адам менял любви предмет
с *нуля* до класса выпускного:
по году лишь – ох, зла судьбина! –
учился с избранной дивчиной...

14

Он размышлял о смысле жизни...
Представьте, мальчик в десять лет...
И наводили ужас мысли:
«Ужель конец один – лишь тризны?!
Меня – как не было?! И – нет?!
Жить – чтоб могильны черви сгрызли?!»...
Подал однажды папа гостю
с подобострастием пальто,
и сын отца презрел за то, –
малец уж метил в *аристосы*.
Средь сверстников – не диво, право! –
Адам себе не видел равных...

15

Поток неумолимой силы
(все знают данный ей ярлык)
Адама захватил в тринадцать.
Пришла. Увидела. Пленила.
А в новом сентябре... – хоть в крик!
Ни вздохом не успел признаться...
Вершина восхождений школьных –
святая, чистая любовь!
Плету венки ей вновь и вновь
стихов рифмованных и вольных!
Век новый – старое унынье:
никто уж так не любит ныне...

16

Любили. Любят. После – тоже
любовь свои найдет сердца
и вскормит своего поэта.
Идет за веком век – и всё же
души движеньям нет конца:
Шекспир, Ромео и Джульетта,
Печорин, Чацкий и Онегин,
эпоха, личность и толпа,
народ, служенье и тропа,
бездарность, суета и гений, –
всерьез Адама волновали
(иных же – трогают едва ли).

Будущему автору – 17.

17

Адам был школьником отличным.
Валил задачи в полруки.
В путях познанья личной кармы,
имея ум *математичный*
(небес загадочны круги),
он грезил о фанфарах славы
в естественнонаучной сфере. –
При том, что сердце и душа,
порывы бурные верша,
в броне свои держали двери:
просторы внутреннего моря –
стихия моего героя.

Часть 2

1

Как символично совпаденье:
семнадцать строф – и детство прочь! –
Семнадцать вёсен за плечами!
Единой цели в подчиненье
Адам корпел и день, и ночь, –
шел за экзаменом экзамен.
Жива была страна-мечтатель,
держава сложного пути...
Сей Уникальный Дом и вы,
возможно, помните, читатель:
был гражданин в его просторах
своим, – везде, всегда, без споров...

2

Тот, кто читает между строчек,
в последних может двух стихах
узреть неоднозначность смысла... –
Заноза-слово, коль захочет,
и на бревно нагонит страх,
и душу сделает бескрылой.
А потому, на всякий случай,
себе позволю уточнить:
здесь будем речи мы водить
о *солнце* Дома, не о *тучах*...
Так или иначе, но знамо:
открыты все пути Адаму.

3

Своим тщеславием гонимый,
он Первый Вуз себе сулил,
не признавая "пиков" ниже:
дух захолустный мест родимых
давно противен и постыл, –
во тьме, маня, свет дальний брызжет...
Пробился! Кто-то сомневался,
что одолел Адам умом, –
таким уж был он, Общий Дом:
«Отцов кошель, знать, постарался!»
Нет пятен, верьте, на Адаме –
своими взял он "пик" трудами.

4

Прощай, родное Захолустье!
И детство странное, прощай!
До встречи мать, отец, сестрицы!
Прощайте школа, речки русло!
И ты, Удельный Местный Край!
Да здравствуй, Главная Столица!
Но вверг Адама душу в кризис
глубокий жизни новой старт –
и лекций тусклым был парад,
и сам – подавленным нарциссом:
средь яркого студентов рода
он бледной мнил себя породой...

5

Педант Максимиан Потапов –
надежен, скромен, дзюдоист;
объект смешков Владлен Петруска –
прижимистый, спит с легким храпом;
Хасан Дурманов – оптимист,
хоть не силен особо в русском;
Каштарин – персонаж мой главный, –
вот комнаты одной семья:
стол, стулья, койки, два шкафа
да тумбы, – список инвентарный.
Доброродству здесь жизнь подобна,
к такому юность лишь способна.

6

Слегка назад вернуться надо...
Каштарин шел ведь на физфак...
А в конкурентах чья-то дочка...
В Уделе резали нещадно
оценочки... И биофак
предложен был – и делу точка...
Как хорошо иметь, взлетая,
толчок мохнатою рукой!
Иль за широкой быть спиной!..
Скажу, вперед чуть забегая:
дочь в вузе не снесла нагрузок –
спина спиной, а лоб, знать, узок...